

Надо было организовать спрос на интеллигенцию

Биографию Ларисы ГЕРШТЕЙН можно прочесть как в толстых политологических журналах, издающихся в Израиле, так и на страницах изданий, пишущих о бардах и движении КСП. Политический деятель. Музыкант. Председатель Фонда Окуджавы в Иерусалиме. Переводчик. Журналист.

Именно Лариса Герштейн первой начала переводить песни Булата Окуджавы на иврит.

Четыре концерта с названием "Две дороги" прошли в Москве незадолго до восьмой годовщины со дня смерти Окуджавы.

— На одном из концертов вы сказали: "Я буду петь вам Окуджаву на языке Господа Бога". Насколько мне известно, переводить песни Окуджавы вы начали по его личной просьбе?

— Да, это было его желание, высказанное на одном из концертов. Мы были знакомы с Окуджавой лет двадцать. Встречались, однако, нечасто — раз в два-три года, а потом и еще реже. Когда у него были концерты в Израиле, второе отделение, как правило, шло на иврите, это были как раз переводы его песен.

Переводить сложно. Иврит — очень агрессивный язык, он быстро вытесняет из сознания какой-либо другой выученный иностранный.

Иногда не хватает нужного слова, чтобы и в ритм укладывалось, и при этом несло нужный смысловой оттенок. Бывало, что какую-то недостающую строчку мне подсказывали из зала, после концерта люди подходили, делились какими-то вариантами перевода.

Эти переводы — мое, не побоюсь этого слова, служение, своего рода литпросвет. В Израиле многие люди слышали имя Окуджавы, но при этом понятия не имели, кто он такой. Когда они слушают его песни на русском, они могут только оценить интонации Окуджавы и немного догадаться о смысле. Я мечтаю, чтобы строки из песен Окуджавы вошли в иврит так же, как в русский язык, чтобы их растащили на цитаты, использовали в разговорной речи, в статьях и в фельетонах.

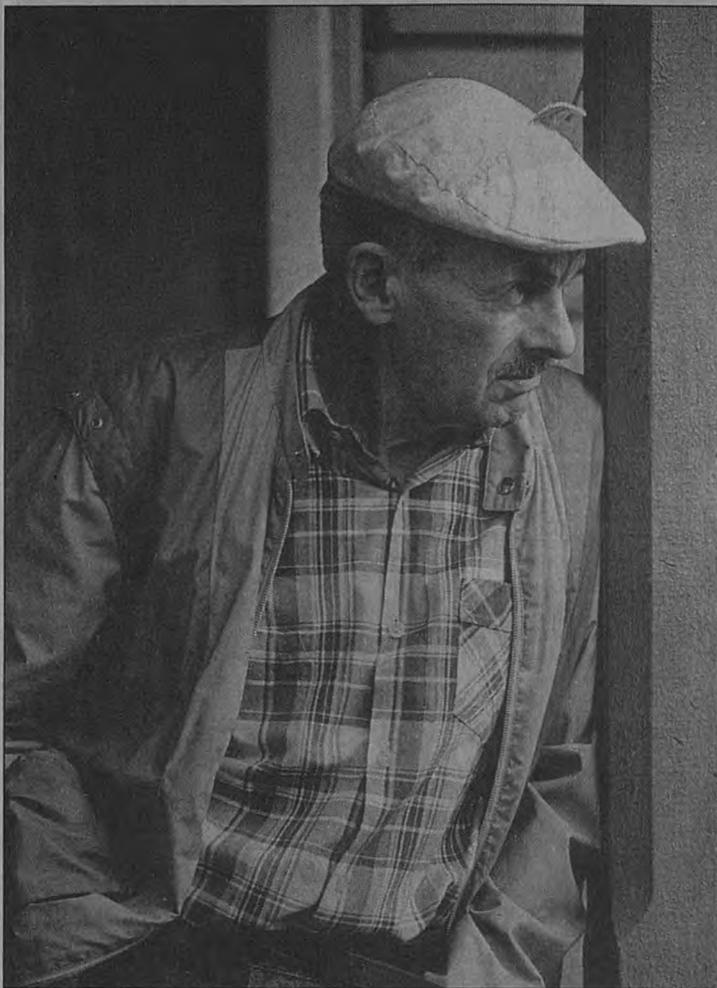
— Какие именно песни вошли в диск "Две дороги", выпущенный Фондом Окуджавы?

— Там звучат восемнадцать песен Окуджавы на русском языке и восемнадцать переводов этих песен на иврит. Там есть и "Наденька", и "Две дороги", и "Солдатки". Восемнадцать — это особое число. По каббале, каждая цифра несет свою особую смысловую, философскую нагрузку. "18" — это число жизни, "хай".

— Вы общались с Окуджавой во время его приездов в Иерусалим. На ваших глазах он написал несколько своих последних песен...

— Предпоследний визит Окуджавы в Израиль состоялся за несколько лет до его смерти.

Этот приезд был для него во многом чем-то вроде Болдинской осени. До этого он в течение достаточно длительного времени писал только прозу. А в те дни в Иерусалиме создал цикл стихов, который сразу же опубликовали в нашей местной газете "Вести". В его стихах была такая строчка: "В Иерусалиме небо близко". Окуджаву, по моему убеждению, был верующим, но при этом абсолютно нерелигиозным человеком.

Б. Окуджаву

— Тогда и была написана песня "Солдатки"?

— Да. Дело в том, что эти девочки — это как бы одна из визитных карточек нашей страны. Они, как правило, все очень тоненькие, хрупкие и с огромными автоматами высотой в три четверти их роста. Это сильно врезается в память.

Третья строфа этой песни через несколько лет оказалась пророческой:

Может быть, наша судьба как расхожие денюжки, что на ладошке чужой обреченно дрожат.

До свидания, девочки, девочки...

Постарайтесь вернуться назад.

Сразу появляются и ассоциации с тридцатью серебряниками, и мысли о том, что мирные граждане для террористов — как разменная монета.

— Вы практически сразу подобрали музыку для этой песни?

— У Окуджавы был концерт в Хайфе. Я приехала вместе с ним, сидела там где-то в уголке, тренькала на гитаре, потом подобрала музыку. И в тот же вечер он эту песню исполнил.

— Вы были организатором всех израильских фестивалей памяти Окуджавы, сейчас возглавляете фонд его имени...

— Самый первый фестиваль состоялся в октябре 2000 года, в канун его дня рождения. Сейчас это мероприятие можно уже назвать Неделью Окуджавы. Она проходит в четырех городах: Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве и Беэр-Шеве. В прошлом году мы отметили восемьдесят лет со дня рождения Булата Шалвовича. На открытие приезжали его вдова Ольга, многие российские исполнители. От на-

шего фонда было много участников. И молодых, то есть в возрасте от двадцати до сорока, и постарше. Пели на русском, иврите, идиш, английском, немецком.

— Как израильская публика относится к такому явлению, как бардовские песни? Существует ли на них спрос?

— Слово "бард" достаточно бессмысленное. В любом языке есть свое название: на Востоке — акын, ашуг, в Европе — шансонье. А у нас нет точного определения. Поющий поэт? Музыкант-стихотворец? Все это не то. В Израиле к компанейскому исполнению относятся совсем по-другому. Там существует такое понятие, близкое к определению "караоке", оно переводится как "пение все вместе". То есть люди куда-то едут и, подобно тому, как у нас пели в туристических автобусах и электричках, что-то хором поют. Причем могут делать это на протяжении нескольких часов. Там существует особый репертуар, который все давно знают.

Разумеется, когда проходят концерты наших музыкантов, известных еще по России, собираются полные залы русскоязычной публики. Приходят не только сами репатрианты, но и их дети, которые выросли в Израиле, но при этом смогли освоить обе культуры.

— Не так давно вы оставили пост вице-мэра Иерусалима и вплотную занялись делами Фонда Окуджавы. Что именно вы планируете сделать в первую очередь?

— Сейчас у меня первый год без политической, общественной нагрузки. Она нечеловечески выматывает. За

этот короткий срок мы успели выпустить первый диск с песнями Окуджавы. Сейчас работаем над вторым таким диском, в котором будет всего семнадцать песен. И я очень хочу реализовать проект, связанный с поэзией Серебряного века. Сейчас идет огромная работа над переводами Ахматовой, Гастернака, Мандельштама на иврит. У меня огромный долг перед Фетом и Тютчевым. Если Пушкина местное население как-то знает, то эта область нашей литературы им совершенно неизвестна. Нужно сделать качественный перевод с учетом всех нюансов.

— Будучи вице-мэром, вы курировали отдел абсорбции, занимались проблемами наших соотечественников, эмигрировавших в Израиль из России. С какими проблемами вам пришлось столкнуться на этом посту?

— Они не эмигранты, а репатрианты. Репатриант не покидает Родину, а обретает ее. У него не ущемленные права, а, совсем наоборот, есть льготы, есть статус полноправного гражданина. Но при этом, покидая одну родину, чтобы обрести другую, человек очень многое должен от себя оторвать. Он оставляет не только своих знакомых и места, где он родился, он еще теряет при этом часть себя. Очень страшно, когда он теряет авторитет.

И важнее всего, на мой взгляд, было сделать так, чтобы человек сохранил самоуважение, свое достоинство.

Надо было организовать спрос на интеллигенцию, на адвокатов, на поэтов. Надо было, чтобы у человека существовало место, куда он бы мог прийти не как работник без квалификации и языка, а в костюме и галстуке, чтобы он снова почувствовал себя профессором Лившицем, доцентом Гуревичем, обрел тот статус, который остался у него в России.

Этим я занималась, будучи вице-мэром, эту же задачу выполняю сейчас и наш фонд. Мы проводим разные мероприятия, организовываем выступления русскоязычных ученых, поэтов, концерты музыкантов, делаем выставки художникам. Если человек не знает иврита, ищем ему переводчика.

— Какое, на ваш взгляд, самое значимое решение, принятое вами за время пребывания на такой крупной городской должности?

— Парад ветеранов 8 мая. Наш первый парад состоялся в 1994 году. Стоило огромного труда собрать все разрешения, добиться того, чтобы на несколько часов перекрыли центральную улицу, дали охрану, выставили кордон, поставили несколько машин медицинской помощи. Ветераны, все уже очень пожилые, с огромным количеством наград, шли ровной колонной, чеканили шаг. Тогда это все было непривычным. Но нам удалось вызвать к себе уважение.

Теперь такие парады прочно вошли в обиход. Они проходят не только в Иерусалиме, но и в других городах. И местные власти этому не препятствуют, а, совсем наоборот, гордятся этими людьми.

Беседу вела
Лариса РОМАНОВСКАЯ

Фото
Владимира БОГДАНОВА